

ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Причиной осмысления феномена границы, предела является дискретное представление человека о реальности, желание разграничить и упорядочить явления, структурировать пространство. В этом русле утверждается, что «граница - единственный критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного становления»². Материальный смысл в содержание понятия «граница» внес К. Хаусхофер, определивший ее как жизненную форму со своим собственным ландшафтом, собственными условиями существования, более или менее широкой зоной боевых действий, предпольем³. Изучение пределов и границ, отделявших те или иные явления и процессы, дает широкие возможности в понимании сущности и содержания этих явлений, раскрывает философский, культурологический, аксиологический и иные аспекты.

Успешное изучение проблемы пределов государственной деятельности зависит от многих причин, важнейшими среди которых являются наличие или отсутствие научно разработанной методологии, уровень теоретических знаний, накопленных по данной проблеме. Еще в 1982 г. А.М. Витченко в своей монографии обратил внимание на то, что вопрос о пределах государственного вмешательства в жизнь общества относится к числу тех немногих проблем, которые не только в достаточной степени не изучены и не разработаны, но даже по существу и не поставлены⁴. Можно отметить, что спустя тридцать лет, уровень исследований означенной проблемы крайне низок, учитывая даже то обстоятельство, что отдельные ее аспекты были предметом анализа тео-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта РГНФ № 13-03-00352.

² Джамалханов Р. Граница как категория политической науки: основные подходы // Власть. 2010. №4. С. 142.

³ См.: Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении. Берлин, 1927. С. 11; Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. М., 2007. С. 652; Королев С.А. Российская граница как край пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2001. № 2 (35). С. 5.

⁴ См.: Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982. С. 31.

рии государства и права и отраслевых юридических наук, в основном конституционного права.

Для юридических исследований, ориентированных на современные требования к науке и научному знанию, методологическая состоятельность является условием научной корректности, теоретической обоснованности результатов¹. Вследствие обновления и усложнения правовой реальности методология правовой науки, руководствуясь принципом «дополнительности», исходит из сочетания различных подходов, средств, методик. Анализируя вопросы ограничения деятельности государства, необходимо брать на вооружение исследовательские парадигмы, выработанные различными отраслями научного знания, которые дополняют и обогащают друг друга, открывая новые познавательные возможности и иные ракурсы видения объекта.

Набор конкретного методологического инструментария, как отмечает В.Я. Любашиц, зависит от специфики объекта познания, должен соответствовать политико-юридической среде, структурному контексту эпохи².

Исходя из деления методологии научного познания на два уровня - философский и специально-научный³, а также из того, что философская методология носит универсальный характер, а специально-научная опосредует область одной науки или группы смежных наук, можно предположить, что исследование проблемы ограничения государственной власти должно осуществляться на основе всеобщей философской методологии, общенаучных и конкретно-научных методов, среди которых решающее значение все-таки принадлежит собственно методологии права.

В методологии научного познания особую роль играет философская составляющая, позволяющая раскрыть смысл ограничения через возможности языка; рассмотреть исследуемую проблему через связь категорий «свобода» и «необходимость», выражающих соотношение между целями, содержанием, формами, масштабами деятельности

¹ См.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 13.

² См.: Любашиц В.Я. Методология исследования государства и государственной власти: системно-структурный аспект // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 325.

³ См.: Кудрин А.К. Проблема истинности методологических утверждений // Методологические проблемы современной науки. Ярославль, 1980. С. 17; Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки // Философия. Методология. Наука. М., 1972. С. 14.

государственной власти и границами такой деятельности, обусловленными объективными законами природы и общества.

С точки зрения неопозитивистского направления в философии язык - точка отсчета и в методологическом, и в мировоззренческом смысле. «Граница моего языка означает границу моего мира», - писал Л. Витгенштейн¹. Фиксируя отдельные предметы, называя их, мысль и язык «вводят» их в контекст более общих связей, отношений мира и человеческого познания². Следуя тезису Хайдеггера «язык - дом бытия»³, уточним содержание понятия «ограничение», выяснив тем самым его онтологический статус.

К анализу ограничения обращались мыслители разных эпох. Согласно Аристотелю, ограничение - это конечное; при этом ограниченное всегда граничит с чем-нибудь⁴, целое для Аристотеля - непрерывное и ограниченное⁵. Для И. Канта «ограничение - реальность, связанная с отрицанием»⁶. Гегель считал, что «быть человеком - значит иметь ограниченный дух и ограниченную перспективу жизни»⁷, что верно как для индивидуального человека, так и для общества, человечества в целом⁸. «Ограниченность особенного народного духа становится законом человеческой жизни и её пределом»⁹, а государство предстаёт «как ограниченная во всех отношениях земная жизнь народа»¹⁰.

В современных словарях ограничение определяется в нескольких значениях: поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями; правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права¹¹; стеснение, ограничивающее права, возможности¹². Близкими по смыслу к ограничению являются понятия: предел - начало или конец, кон, межа, грань, раздел, край, рубеж или граница; конец одного

¹ Цит. по: Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. / И.Т. Фролов, Э.А. Араб-Оглы, С.Г. Арефьева и др. М., 1990. Ч. 1. С. 359.

² См.: Введение в философию. Ч. 1. С. 360.

³ Проблема человека в западной философии. М., 1988.

⁴ Аристотель. Соч.: в 4 т.: пер. с древнегреч. / общ. ред АЛ Доваіура. М, 1972-1983. Т. 3. С. 14.

⁵ Там же. Т. 1. С. 175.

⁶ Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 1998. С. 86.

⁷ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 468.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 456.

¹⁰ Там же. С. 443.

¹¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / подред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд.

перераб. и доп. М., 1989.

¹² См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.

и начало другого, в смысле вещественном и духовном¹; граница - черта, разделяющая между собой земли, государства; рубеж; край, страна (устаревшее); последняя, крайняя степень, грань чего-либо, мера, норма; критическая точка чего-либо, характеризующая возможность проявления каких-либо свойств, качеств)².

С точки зрения этимологии ограничение производно от общеславянского слова граница, грань, от *grati* - «быть острым, выдаваться» (ср. древненемецкое *grana* - «усы», шведское *gran* - «ель», польское *gran* - «грань, угол, край»). Первоначальное значение - «нечто выступающее, остро оканчивающееся», как усы или иглы ели³.

Вышеизложенное, безусловно, свидетельствует о смысловой близости и единой ограничительной сущности понятий «ограничение», «предел», «граница», которые зачастую употребляются как синонимы, что вполне допустимо. Так, в философских, социологических исследованиях их значение практически не разграничивается. В то же время можно сделать вывод, что при всей смысловой близости семантическое значение слов «предел» и «ограничение» все-таки различно. Термин «предел» более разнообразен по содержанию, основное его значение - отделить одно от другого, часть от целого; пределы четко не определены. Понятие «ограничение» означает, во-первых, всегда находиться в пределах; во-вторых, сужать степень возможностей, прав; иметь четкие, рельефные очертания. В данном параграфе мы будем употреблять вышеуказанные понятия как синонимы. В конечном итоге основное предназначение пределов выражается в том, что они «выступают легальными рамками, которые определяют границы возможного поведения субъекта правоотношений»⁴, выполняют важную роль по ограничению неоправданной свободы лица, а также ориентируют субъектов права на социально полезное поведение.

В целом философия определяет ограничение как: общее понятие (могут быть разные виды ограничений: например, день ограничен восходом и заходом Солнца, год ограничен оборотом Земли вокруг Солнца, территория государства обозначена его границами); абстрактное понятие (свойством предметов и явлений может быть их ограниченность, и любой единичный материальный предмет ограничен своей

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М., 1979. Т. 2.

² См.: Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 2001. Т. 2.

³ См.: Этимологический словарь Г.А. Крылова. URL: <http://www.slovopedia.com> (дата обращения: 02.02.2011).

⁴ Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 11.

формой; будучи абстрактным понятием, ограниченность имеет и своё конкретное выражение - например, государственная граница); разновидность категории необходимость (может проявляться наряду с ограничением как зависимость, принуждение, предопределённость и т.п.). Антиподом понятия «ограничение» является понятие «неограниченность» (или его синоним «безграничность»)¹.

Философское осмысление необходимости (как разновидности ограничения) возможно в рамках философии свободы. Применительно к сфере властеотношений вопросы соотношения свободы и необходимости имеют огромное практическое значение в аспекте исследования юридической ответственности государства, его органов, должностных лиц.

Проблема свободы - одна из наиболее сложных. Гегель писал: «Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее свободы». О свободе, подчеркивал Р. Йеринг, было написано огромное количество книг, которые едва ли в состоянии отразить ту непрерывную борьбу, неисчислимые жертвы, которые были принесены за Свободу и во имя Свободы в жизни людей, не отделимых от жизни права.

Соотношение свободы и необходимости в истории философии зависело от того, к какому из направлений тяготели те или иные мыслители. В рамках диалектики к этому вопросу существуют три наиболее общих подхода: детерминизм (механистический детерминизм абсолютизирует всевластие необходимости и в конечном итоге отрицает свободу воли); индетерминизм (гипертрофирует автономию воли, противопоставленную необходимости); принцип единства (исходит из взаимообусловленности свободы и необходимости).

В монографическом исследовании советского периода, посвященном теоретическим проблемам государственной власти, А.М. Витченко, опираясь на принцип социального детерминизма, пришел к выводу, что социальная граница деятельности государственной власти представляет собой цепь взаимосвязанных объективных обстоятельств, в рамках которой способ производства материальных благ есть определяющий, ведущий момент в установлении пределов государственной власти². Характер и пределы государственной деятельности в границах

¹ См.: Михайлов В.В. Социальные ограничения: содержание

2004. С. 11.

² См.: Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982. С. 33.

объективных явлений зависят и от субъективных возможностей политической власти и определяются целями и задачами господствующего класса¹.

Выводы ученого, безусловно, заслуживают внимания. Он аргументировано раскрывает суть природных и общественных явлений, которые своими качествами, свойствами ставят определенные преграды государственной власти, что является существенной предпосылкой понимания особенностей ее функционирования. В то же время односторонность такой позиции, ее упрощенческий характер усматривается в переоценке фактора производства материальных благ в установлении пределов власти, а также ограниченности субъективных (цели и задачи господствующего класса) критериев.

В современной науке есть и иной взгляд на данную проблему. Исследуя социальные ограничения, В.В. Михайлов выдвигает тезис о методологическом преимуществе позиции свободы и индетерминизма в познании социальных ограничений². Логика его рассуждений сводится к тому, что при анализе свободы и её проявлений (ограничения) приоритет следует отдать свободе, т.к. нельзя постигать явление исходя из него самого. Поэтому свобода включает в себя необходимость (ограничение), будучи шире неё. Выводы его созвучны идеям, высказанным Б.П. Вышеславцевым: «С того момента, как сознание начинает оценивать, ставить себе цели и их осуществлять, покидается почва материализма и начинает действовать тезис идеализма: «сознание определяет бытие», «дух формирует материю»³. И далее: чем более мы познаём и охватываем цепи причинностей, тем более мы получаем возможности властвовать над ними, тем более возрастает и расширяется наша свобода, ибо «сколько кто знает - столько тот может»⁴.

Аргументируя свою точку зрения, В.В. Михайлов пытается доказать, что тождественных естественнонаучным социальных законов не существует, есть лишь различные социальные тенденции, которые не имеют столь чёткой воспроизводимости и повторяемости, не дают возможности для точных прогнозов и предсказаний. Они обусловлены целерациональной и хаотической социальной деятельностью индивидов и групп, влиянием на общество внешних факторов (природы, других социумов) и его собственной духовной и материальной культурой.

¹ См.: Там же. С. 55.

² См.: Михайлов В.В. Социальные ограничения: содержание, структура, функции. М., 2004.

³ Вышеславцев Б.П. Сочинения. М., 1995. С. 53.

⁴ Вышеславцев Б.П. Сочинения. С. 53.

Выбор той или иной тенденции и её реализация зависит от интеллектуально-волевых, морально-психологических и организаторских свойств практически действующего субъекта (например, компетентности, профессионализма, культуры, ответственности, степени гражданской зрелости, нравственных качеств и др.), уровня знаний, умений, целей¹.

Такой подход нельзя признать состоятельным. Ничем не детерминированная свобода, по словам И. Канта, открывает простор для «постоянного антагонизма»², главный эффект которого, как показали события российской истории 90-х гг. XX в., состоит не столько в том, что создаются возможности для позитивной деятельности, сколько в том, что возникает пространство для произвола, своеволия"¹. -

Пределы публичной власти с точки зрения индетерминизма определяются, прежде всего, мотивами, желаниями и волей субъектов, олицетворяющих власть государства, характером ценностной ориентации, способностью к самоконтролю, саморегуляции, самоуправлению своим собственным поведением и развитием, а также активностью внешних по отношению к ней субъектов, способных принудить в необходимых случаях государственную власть к этому. В условиях низкого уровня правовой культуры, кризиса нравственности, пассивности большей части российского общества установление реальных правовых границ государственной власти практически невозможно.

Обобщая изложенное, отметим, что нельзя абсолютизировать ни объективную необходимость, ни свободную волю, поскольку принимая во внимание лишь объективные факторы функционирования власти в государстве, можно прийти к выводу о том, что власть в своей деятельности не свободна. Но в таком случае она лишена возможности осознанно и целенаправленно управлять общественными процессами, ее деятельность становится неэффективной. С другой стороны, акцент лишь на субъективной стороне государственной деятельности в отрыве от объективных условий порождает другую иллюзию, будто бы она в своей деятельности абсолютно свободна и не имеет границ. Очевидно, что даже минимальные потребности людей не были бы удовлетворены ни в отсутствие свободы действий, а тем более в условиях ее безграничности. Ведь очевидно, что во многих случаях выше свободы стоят такие ценности, как безопасность, справедливость, равенство, счастье, ради которых вполне допустимо ограничить свободу.

¹ См.: Михайлов В.В. Указ. соч. С. 75.

² См.: Кант И. Соч на немецком и русском языках. М., 1994. Т. 1. С. 95.

³ См.: Алексеев С.С. Философия права. М., 1997.

Конструктивным, на наш взгляд, является философская позиция, согласно которой свобода и необходимость рассматриваются диалектически как противоположности, не исключающие друг друга, а находящиеся в гармоничном единстве. Диалектическим противоположностям присуще единство, взаимосвязь: они взаимодополняют друг друга, взаимопроникают. Отношения между диалектическими противоположностями носят динамический характер. Они способны переходить одно в другое, меняться местами. Их взаимное изменение приводит к трансформации самого предмета, сторонами которого они являются¹.

Диалектические противоречия занимали центральное место в философии Гегеля. Решающее значение он уделял многообразным опосредованиям противоположностей в социальных процессах развития противоречий. Важна его идея о том, что при слабом развитии структур, опосредующих отношения полярных сил, сторон общественной жизни, становится реальной угрозой разрушительных столкновений противоположностей. Применяя этот посыл к настоящему исследованию, можно утверждать, что неразвитость структур гражданского общества и деспотичность государства или, наоборот, слабость государственных структур и чрезмерность (может быть, даже противоправная) гражданского общества могут привести к столкновению их интересов. Поэтому баланс свободы и необходимости - одно из условий устойчивого развития социума.

И. Кант называл диалектические противоречия антиномиями. Показывая соотношение свободы и необходимости, он (не отрицая необходимости) допускал «свободную причинность», которая раскрывает смысл человеческой воли, интересов, мотивов, творчество индивида.

Свобода нужна государству. Без нее государство не может реализовывать свои функции, что в конечном итоге делает его существование бессмысленным. Сторонники либерализма Дж. Локк, Дж. Милль, Б. Констан, А. Токвиль настаивали на том, что должна существовать какая-то минимальная область свободы, вторгаться в которую никто не имеет права. Правда, они имели в виду свободу личности. Однако думается, что данный вывод можно экстраполировать и на государство. Ведь нельзя отрицать наличие государственных интересов, которые реализуются как раз в пространстве свободы. Следует согласиться с Ф. Хайеком, который писал, что «подобная свобода ...становится возможной благодаря определению четких границ прав индивидов... и разграничению сфер, в пределах которых каждый может распоряжаться

¹ См.: Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. / И.Т. Фролов, Э.А. Араб-Оглы, С.Г. Арефьева и др. М., 1990. Ч. 2. С. 161.

доступными ему средствами в своих собственных целях, иными словами. каждому человеку устанавливается узаконенная сфера свободы...»¹.

Свобода государства выражается в таком его качестве, как суверенитет. Причем, если подходить к осмыслению свободы государства с позиций И. Берлина, разделяющего все многообразие ее определений, на два вида - «свобода от...» и «свобода для...» или негативную и позитивную свободу, то применительно к государству негативная свобода выражается, в частности, в независимости его на международной арене, что особенно актуально в условиях нарастающих процессов глобализации. Позитивная свобода государственного функционирования выражается в созидательных действиях по преобразованию социальной реальности, удовлетворению прав и свобод личности, построению правового и социального государства, цель которого - достижение общего блага, безопасность, справедливость, равенство, счастье. В рамках позитивной свободы выражается верховенство государственной власти.

В то же время свобода может служить причиной как созидания, так и разрушения, как ускорения общественного развития, так и его тормоза, она не может быть безграничной. В сфере властеотношений, где множество соблазнов и возможностей, сила деструктивных процессов, губительных прежде всего для самой власти, многократно возрастает.

Необходимостью для государства является опора на право, которое выступает заслоном безграничной свободе, благодаря свойству «определять и сохранять границы» оно становится закономерностью для свободы². Еще мыслители эпохи Просвещения определяли право как «меру» свободы. Т. Гоббс писал: «Законы придуманы не для прекращения человеческой деятельности, а для ее направления, подобно тому, как природа создала берега не для того, чтобы остановить течение реки, а чтобы направлять его. Мера этой свободы должна определяться благом граждан и государства». Ш.-Л. Монтескье констатировал, что «свобода есть право делать то, что дозволено законом»⁴.

Гегель рассматривал право как царство осуществленной свободы. «Свобода бывает там, - писал он, - где господствует закон, а не произ-

¹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 110-111.

² Шеллинг В.Ф. Соч. Т. 1. С. 458.

³ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 410.

⁴ О Свободе // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 74.

вол»¹. Поддерживая утверждение Цицерона о том, что мы должны подчиняться закону, чтобы быть свободными, Ф. Хайек особо подчеркнул, что свобода приобретает ценность, когда является правовой.

Рассматривая проблему границ власти через соотношение индивидуальной свободы и общественной необходимости, А. Котов заключает, что в идеале правовой свободы в обществе должно быть столько, сколько возможно, а силы государственной власти - не больше, чем необходимо². Именно их соразмерность определяет границы деятельности государственной власти и свободы отдельной личности³.

Следовательно, качественное состояние свободы индивида зависит от количества власти, и, наоборот, масштаб свободы личности в полной мере определяется эффективностью власти. Поддержание такого баланса - залог устойчивого состояния социума; нарушение меры должного и возможного влечет столкновение интересов личности и государства.

Формальным выражением соразмерности свободы и необходимости является право, а Конституция должна регламентировать качественную определенность объема свободы индивида и количественную определенность необходимости власти. Между тем о российской Конституции нельзя сказать, что она сбалансирована с точки зрения свободы и необходимости: высокое качество свободы индивида не может быть обеспечено минимальным в количественном аспекте объемом государственной необходимости (обязанностей и ответственности). Их несоизмерность позволяет судить о соответствующем качестве государственной власти. В силу этого потребность в формировании четких правовых пределов государственной власти (компетенции, правовых принципов ее деятельности, системы юридических средств ограничительного характера) многократно возрастает, о чем свидетельствует рост интереса в науке к данной проблематике⁴.

¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 28.

² См.: Сергеев В.А. Ответственность как общественная необходимость в диалектической связи личной свободы // *Успехи современного естествознания*. 2008. № 3. С. 42-46; Котов А. Мера свободы и необходимости // *Казахстанская правда*. 2012. 30 марта.

³ В диалектической логике категория «мера» рассматривается как количественно определенное качество и качественно определенное количество, синтез которых представляет объект как соразмерность.

⁴ См., например: Соколова С.Н. Государственное регулирование в России: как оптимизировать степень вмешательства в социум // *Власть*. 2009. № 3; Герасимов А.А. Саморегулируемые организации как инструмент ограничения вмешательства государства в гражданско-правовые отношения II *Право и политика*. 2010. № 2; Джамалханов Р.В. Граница как категория политической науки: основные подходы // *Власть*. 2010. № 4; Романчук И.С. Современные институты ограничения власти // *Право и политика*. 2010. № 9; Волович А.И. Государство как тормоз общественного развития // *Право и политика*. 2010. № 10.

Таким образом, противоречивое единство свободы и необходимости на каждом новом витке социального развития совершенствуется связи внутри государства, между государством и обществом, в т.ч. оптимизируя и правовые границы государственной деятельности.

В заключение отметим, что исследование комплексной проблемы пределов деятельности государства не исчерпывается философской методологией. В процессе познания многоаспектного объекта применимы и иные методологические направления, умелое сочетание которых будет способствовать всестороннему раскрытию анализируемой проблематики.